

Научная статья

УДК 903.53. 5'16

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-7-21

К ВОПРОСУ О КУРГАННОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сергей Борисович Бурков

ГБУ Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ, Россия,
sergeyburkov59@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>

© С.Б. Бурков, 2022

Аннотация. Статья посвящена изучению обряда курганного захоронения в кобанской археологической культуре и основана на материалах финальной стадии развитой бронзы – начального этапа позднего бронзового века. В работе анализируются археологические источники, полученные в разные годы на территории Центрального Предкавказья. Показано, что появление этой обрядовой нормы могло быть связано как с погребальными традициями предшествующего времени и культур эпохи бронзы – северокавказской, катакомбной КИО, а также закавказских импульсов. В результате установлено, что данная форма погребальной обрядности могла появиться в погребальной обрядности кобани в различных обстоятельствах, связанных как с предыдущими нормами, так и с кардинальным изменением социального устройства общества, возникновением условий для формирования нового хозяйственного уклада – подвижного скотоводства и появлением на исторической арене военизированных группировок подвижных скотоводов.

Ключевые слова: археологические раскопки, памятники, курган, эпоха бронзы, погребальные традиции, обряды, культы

Для цитирования: Бурков С.Б. К вопросу о курганной погребальной традиции в кобанской археологической культуре // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 7–21. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-7-21

Original article

ON THE QUESTION OF THE KURGAN FUNERAL TRADITION IN THE KOBAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE

Sergey B. Burkov

State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania», Vladikavkaz, Russia, sergeyburkov59@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>

© S.B. Burkov, 2022

Abstract. The article is devoted to the study of the burial mound ritual in the Kobani archaeological culture and is based on the materials of the final stage of the developed Bronze Age – the initial stage of the late Bronze Age. The paper analyzes the archaeological sources obtained in different years on the territory of the Central Caucasus. It is shown that the appearance of this ritual norm could be associated with both the funerary traditions of the preceding time and the cultures of the Bronze Age, such as the North Caucasian, Catacomb KIO, and the

Transcaucasian ssmples as well. As a result, it was found that this form of funeral rites could appear in the funeral rites of Kobani in various circumstances related both to previous norms and to a radical change in the social structure of the society, the appearing of conditions for the formation of a new economic structure, such as the mobile cattle breeding and the appearance of the paramilitary groups of mobile cattle breeders in the historical arena.

Keywords: archaeological excavations, monuments, burial mound, Bronze Age, funerary traditions, rituals, cults.

For citation: Burkov S.B. On the question of the kurgan funeral tradition in the Koban archaeological culture. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 7–21. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-7-21

Обряд захоронения в курганах Северного Кавказа, в том числе – и на изучаемой территории, был свойственен населению, занимавшего степные и предгорные зоны и практиковавшего подвижно – скотоводческую модель экономики, начиная с эпохи неолита, а также в эпоху бронзы. Большинство курганных погребений финального этапа эпохи поздней бронзы и раннего железного века, найденные на территории Северного Кавказа, исследователи соотносят с племенами киммерийцев, скифов, савромат, сармат и алан [Крупнов 1960: 181–183, 212, 242, 243; Виноградов 1963: 14–18, 41–58, 72–78]. В то же время, среди прочих типов погребальных сооружений, выделяемых на материалах кобанской археологической культуры Северного Кавказа, присутствует и обряд погребения в курганах. На сочетание различных типов погребений (грунтовое, курганное), в том числе – на одном могильнике (Исти – Су – Чечня, Кескем, Пседах, Нестеровский, Луговой – Ингушетия, Моздокский – Северная Осетия – Алания, Баксанский, Шалушинский, Чегемский – I, Кашкатаусский – Кабарда) обратил внимание Е.И. Крупнов [Крупнов 1960: 316, 247, 248]. В сводках В.И. Козенковой, среди учтённых ею 1235 погребений, присутствует и 128 (10,4%) захоронений, устроенных как под курганными насыпями, так и в них самих. Для территории восточного и центрального вариантов кобанской культуры на первом, т.н. «доскифском» этапе, количество курганных погребений незначительно, тогда как для периода VI–V вв. до н.э. оно вырастает – до 1/6 от всех учтённых погребений. Для западного варианта такого резкого изменения соотношения погребальных сооружений не наблюдается. Однако общая численность погребений в курганах как для восточного, так и западного вариантов кобани примерно одинакова (51 и 52 погребения соответственно). Единственное отличие – для запада кобани на раннем этапе (XII–VII вв. до н.э.) исследователем учтено 25 таких захоронений, тогда как для востока – только 1 [Козенкова 1977: 45, 46, 49–55; Козенкова 1989: 17, 90–97].

Присутствие обряда погребения в кургане в культуре, связываемой с коренными кавказскими сообществами, видятся исследователям по-разному. Для периода поздней бронзы традиции курганных захоронений связываются с предшествующими культурами северокавказского происхождения [Виноградов 1972: 238, 239; Чеченов 1974: 14–51], для раннежелезного века – в основном, с влиянием кочевых традиций скифов и савроматов [Виноградов 1972: 81, 82, 239; Козенкова 1977: 20].

Для того чтобы определить факторы, повлиявшие на использование предгорно-плоскостным кобанским населением перечисленных выше элементов погребальной обрядности необходимо, прежде всего, обратиться к археологическим свидетельствам, коррелированными с определёнными этапами формирования самой культуры. Определим, что было характерно для обрядовых практик населения – непосредственных участников формирования основ культуры (XIV–XII вв. до н.э.), а затем – сформированных этнокультурных групп её восточного и западного вариантов (XI – первой половины VII вв. до н.э.). Центральная группа погребальных памятников, куда включены объекты, прежде всего, расположенные на территории современных Северной и Южной Осетии, а также Кабардино-Балкарии,

признаётся метрополией данной культуры. Здесь размещены наиболее древние из них. Одновременно с этим, могильники эпохи развитой кобани на этой территории сильно пострадали от грабительских раскопок и не могут быть признаны полноценным историческим источником [Козенкова 1996: 13, 14]. Если исходить из концепции формирования начального этапа кобани в горной зоне – вначале на южных, а потом – на северных склонах Большого Кавказа, то учитывать влияние традиций поздних северокавказской и катакомбной КИО для ранних этапов культуры вряд ли приходится [Дударев Савенко 2019: 69]. Если же считать, что они проходили этап первичной адаптации с учетом присутствия какой-то части населения в зоне предгорных равнин, а также периодических «выплесков» населения предгорий в горную зону, то тогда указанные выше культуры развитого этапа бронзового века, на своей завершающей стадии были задействованы в этом процессе. Вероятно, именно они были зафиксированы материалами Галашкинского могильника в Ингушетии и Верхне-Рутхинского – в РСО-Алания, в которых присутствует эклектизм позднекоатакомбной и северокавказской КИО, в сочетании с закавказскими традициями [Крупнов 1950: 86–94; Козенкова Мошинский 1995]. При этом произошла смена курганного обряда погребения на бескурганый. С учетом того фактора, что на раннем этапе кобанской культуры присутствуют и основные погребения в курганах, второй вариант может считаться более вероятным. По версии В.И. Козенковой, на т.н. «предкобанской стадии», выделяемой ею рамках XIV–XII вв. до н.э., погребальные традиции формировались в условиях как предгорных равнин, так и горной зоны, на базе различных культурных особенностей, свойственных пост-северо-кавказской и катакомбной КИО – т.н. «аликановской» (для района Кавминвод) и «архонской – II» (для территорий Центрального Предкавказья) групп [Жореневский Мимоход 2011: 31–70; Дударев Савенко 2019: 73].

Для установления механизмов и возможных причин, способствовавших формированию курганного обряда погребения в некрополях Центрального Предкавказья определим перечень памятников, в которых были встречены элементы вновь создаваемых культурных традиций. В связи с большим объемом анализируемого материала, сложностью заявленной темы и лимитированностью объема настоящей статьи, её хронологические рамки ограничены финальным этапом эпохи поздней бронзы (по некалиброванным значениям) – периодом с XV/XIV вв. до н.э. и вплоть до рубежа XI–X в. до н.э. – этап Кобан II для центральной группы памятников по В.И. Козенковой [Козенкова 1996: 92]. Это связано с тем, что на следующем этапе базовые признаки кобанской культуры предстают уже в сложившемся виде. Кроме того, именно к рубежу II/I – началу I тыс. до н.э. начинают формироваться предпосылки для появления нового хозяйственного уклада – кочевого скотоводства, возникает и развивается культ лошади и всадника, а также войны как одного из первых общественных разделений труда. Это, в свою очередь, ведет к кардинальным изменениям в идеологических нормах и как следствие – в формах погребальной обрядности. Разбор этих новшеств, зафиксированных курганными захоронениями, совершенными в кобанских традициях, с рубежа двух эпох – финальной стадии эпохи бронзы и по финал второй половины VII в. до н.э. – тема следующей статьи, которая задумывается автором как продолжение первой. Две другие планируется посвятить позднекобанским курганным материалам середины – второй половины VII в. до н.э., и по конец IV в. до н.э. и завершить тему присутствия кавказского сегмента в курганных захоронениях начала III в. до н.э. – конца IV вв. н.э.

Работа по установлению критериев, которые послужили основой для выделения признаков раннекобанской культуры, а также анализу содержания этих процессов, в своей основе была произведена В.И. Козенковой [Козенкова 1996]. Однако вопросам, связанным с формированием погребальной обрядности как системы,

внимания было уделено заметно меньше. За установлением фактов присутствия ряда признаков катакомбной, а также северокавказской КИО в материалах пред – и раннекобанского периодов не последовал детальный анализ тех из них, что составили суть этого процесса. В частности, не был проанализирован вопрос о том, в каких условиях в этой вновь формируемой среде применялось погребение в курганах.

К перечню памятников, в которых зафиксирована начальная стадия появления изучаемых нами обрядов и культов, могут быть отнесены грунтовые и подкурганые катакомбные захоронения предкобанского периода (более 100 комплексов), раскопанные в зоне строительства Кашхатауской РЭС (Кабарда). В них металлические изделия и керамика по декору обладали чертами северокавказской КИО, а форма предметов и некоторые особенности их художественного оформления – классические кобанские. К сожалению, материалы пока не опубликованы, в связи с чем мы сейчас лишены возможности их детального анализа [Атабиев 2008]. В могильнике «Бамутские сады», группы I (к. 5 п. 1; к. 7 п. 3) были найдены основные подкурганые погребения с керамикой, типичной для позднебронзовых памятников горно-предгорной зоны Чечни и Дагестана, в том числе – с обмазкой, а также золотой подвеской – застёжкой с переложной (т.н. «обратной») петлей раннекобанского типа [Бурков 1990: рис. 55–60; рис. 41, рис. 28, 46]. Ранее погребения, совершённые в подобных же традициях, были найдены на территории РСО-Алания – это т.н. «архонская группа». Её характерными чертами были названы обширные ямы подквадратной или подпрямоугольной формы с закруглёнными углами и каменной забутовкой, кольцевая планировка могильника, костяки располагались скорчено на левом боку, руки протянуты к коленям (т.н. «поза скачущего всадника»), в инвентаре – предметы вооружения, украшения, керамика, в т. ч. – с обмазкой. В одном из таких погребений (ст. Архонская, к. 2, п. 2) была найдена подобная же золотая подвеска. Захоронение отнесено ко II хронологическому горизонту кургана – финалу среднебронзового века [Корневский Мимоход 2011: 14, 15, 18, 71, рис. 8, 37]. Однако с рядом признаков, предложенных к выделению данной культурной группы, не все так однозначно. Так, из 9 погребений в курганах у ст. Архонской ни в одном случае не была зафиксирована поза, когда обе руки погребенного своими кистями были положены в район колен. Встречены лишь случаи, когда одна из рук первоначально располагалась «по направлению к коленям». Такой признак, как «ориентировка» также не «работает», т.к. захоронения располагаются по круговой системе. Форма ям – не только прямоугольная, но и с «запличиками». И лишь 2 признака – забутовка и левобочное положение костяка соответствуют заявленной схеме. Погребения же из Ингушетии, что были найдены в зоне строящегося трубопровода к г. Магасу в 1996 г. и также включены С.Н. Корневским и Р.А. Мимоходом в «архонскую» группу, лишь в 2 случаях имели каменную забутовку и в 1 случае одна из рук погребенного была протянута к коленям. Подобной же позы с двумя руками, которая бы соответствовала позиции «скачущего всадника», и тут не было встречено ни разу. Дополнительно отметим, что в могильнике «Бамутские сады» группы I присутствуют крупные неглубокие ямы подпрямоугольной или подтрапецевидной в плане формы с заоваленными углами – типичная черта архонских погребений группы II, но без забутовки камнем*, что ранее считалось узколокальным явлением [Корневский Мимоход 2011: 38, 39; Бурков 1990: 13, 15, 20, 21, 26–29, 31–33, 35, 36]. В.Л. Ростунов и Т.Я. Ростунова датировали этот горизонт по рогатому бисеру XVI–XV вв. до н.э.** Аналогии подвеске авторы находят в комплексах верхнего горизонта Эгикальского склепа и из местности Джизи в Северной Осетии [Ростунова Ростунов 2007: 15],

* Крупные камни в заполнении были встречены только в одном случае – курган № 4, погребение № 1.

** Вероятно, дата дана с учетом калибровочных значений, хотя для архонских комплексов эта работа проведена не была. С.Н. Корневский и Р.А. Мимоход считают подобный подход (автоматический перенос датировок C14) методически неверным – см.: Корневский Мимоход 2011: 33.

В.И. Козенкова – в материалах из Беахни – Куп (Чми) в Северной Осетии. По керамическим формам В.И.Козенковой комплекс отнесен к т.н. «протокобанской группе» памятников [Козенкова 1996: 26, 91, рис. 44, 58, 119, рис. 44, 3]. С.Н. Корневский и Р.А. Мимоход обратили внимание на погребение № 11 кургана № 2 Бамутского могильника (раскопки Р.М. Мунчаева 1964 г.). Костяк – в позе «скачущего всадника», погребальный инвентарь – спиральные бронзовые ленточные пронизи и костяное изделие, подобное кольцевидным пряжкам т.н. «раннебабинского» типа, что позволяет отнести бамутское захоронение к начальному этапу эпохи поздней бронзы. В дополнение к этому отметим ещё одно разрушенное погребение из кургана № 4 того же могильника, где встречен фрагмент нижней части сосуда с намечающимся поддоном. Комплекс датирован временем от второй половины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. [Мунчаев 1968: 141]. На территории Чечни раннекобанские бронзовые наконечники были найдены в разрушенном кургане у с. Знаменское Надтеречного района, как и подвески, в том числе – 2 в виде кистей правой руки – типичные находки для памятников центрального варианта кобани. Материалы датированы концом II – началом I тыс. до н.э. [Виноградов Исламов 1965: 158, 159, рис. 1, 3–6]. В.И. Козенковой для периода Кобан I (начало XIV – первая половина XII вв. до н.э.) для формирования протокобанского комплекса, было отмечено участие компонентов северокавказской, катакомбной, закавказских культур, а также традиций средней бронзы Центральной Европы. Культурный симбиоз для бытовых памятников зафиксирован и материалами Змейского поселения в Северной Осетии-Алания [Козенкова 1996: 35, 37, 89–92]. На его территории, помимо наслоений других эпох, выделяется слой, связанный с северо-кавказкой КИО. Он во многих местах был нарушен последующими перекопами, что привело к разрушению культурного слоя кобанского времени. Там где он сохранился (в раскопах СКАЭ) фиксируется мощность до 80 см. Керамические материалы из хозяйственных ям, относящиеся к северо-кавказской КИО, М.А. Бакушевым датированы XVII–XVI вв. до н.э. На наш взгляд, столь «узкая» дата (всего 200 лет) довольно коротка для такого насыщенного культурного слоя. Вероятнее всего, его финальная стадия приближается к периоду «Кобан I а». Судя по опубликованным профилям, на участках культурного слоя, не затронутого перекопами, в его формировании не прослеживается четко выраженного перерыва. Это может свидетельствовать о постоянном обитании его насельников, вплоть до времени формирования «классической кобани» – т.е. до последних веков II тыс. до н.э. [Бакушев 2021].

Согласно концепции В.И. Козенковой, в формировании норм погребального обряда протокобанского переходного периода, помимо племен поздних северокавказцев и катакомбников, принимали участие и культурные группы из Европы, обитавшие в бассейне Дуная, которые связываются с появлением традиции кремационных захоронений. Система доказательств, обосновывающая присутствие в древностях Северного Кавказа, восточноевропейского компонента, выстраивалась ею через анализ предметов материальной культуры, разбросанных по различным погребальным комплексам. Нами был произведен подробный разбор предлагаемых ею доводов [Бурков: 2020]. В результате мы пришли к следующим выводам. Концепция появления обряда кремации на основе привлекаемых В.И. Козенковой материалов, на наш взгляд, является, скорее, культурологической конструкцией, чем реальной оценкой имеющихся материалов. Особенно это симптоматично на фоне отсутствия явных следов проникновения «носителей срубных традиций» на изучаемую нами территорию в XIV–XIII вв. до н.э., во время которого происходил процесс формирования основ кобанской культуры. Их появление на Северном Кавказе В.А. Сафронов определял рубежом XIII–XII вв. до н.э., а В.И. Мамонтов считает, что это произошло ещё позднее – не ранее конца т.н. белозерского этапа, т.е. – в конце IX в. до н.э. [Сафронов 1970: 321; Мамонтов 1980: 176]. В выделяемой И.А. Сорокиной для территории степного Прикубанья культурном

образовании XV–XII вв. до н.э., входящем в срубный мир, признаки кремации отсутствуют. Она подчеркнула, что возникновение этой группы памятников не было связано с экспансией срубной культуры [Сорокина 1989: 281]. В то же время, в ряде могильников иных культурных традиций, чьё происхождение и развитие в основном происходило на Северном Кавказе, этот обряд фиксировался на протяжении длительного времени, в том числе – и в позднем бронзовом веке. Достаточно ранние материалы прото- и ранне-кобанского периодов из горно-предгорной зоны являются весомым аргументом в пользу его автохтонного происхождения. Самые ранние находки в гробнице № 2 могильника Терезе связаны с закавказским компонентом, тогда как возможные среднеевропейские импорты демонстрируют кавказский металл и формы. На этом фоне «колхидское» и более раннее «триалетское» направления выглядят более правдоподобными. К тому же данный обряд он вряд ли мог носить сугубо этнокультурный характер, а скорее всего, являлся надкультурной обрядовой практикой. Поэтому его распространение вряд ли стоит связывать с миграцией каких-то «этнических» группировок. В то же время, мы не исключаем и того, что погребальные традиции, характерные для восточноевропейского населения позднего бронзового века могли стать частью формирующихся социальных норм на «предкобанском» этапе, когда их восприятие ещё не ограничивалось сформированными и закреплёнными регламентами обрядовых церемониалов. Однако эти обычаи в кобанской культуре фиксируются у насельников горной зоны, что серьёзно ограничивает возможности привнесения данного способа общения с умершими с территории предгорных равнин.

Но вернемся к проблеме появления в зоне предгорных равнин населения из Средней Европы, о чем писала В.И. Козенкова. При этом никаких явных свидетельств непосредственного присутствия его в северокавказских пределах приведено не было. Речь шла лишь о некотором влиянии на выработку ряда предметов – украшений, керамики, конского убора, оружия. При этом их внешнее сходство в различных удалённых друг от друга культурах В.И. Козенковой объяснено конвергентностью развития. Среди них – браслеты со спирально закрученными концами, булавки с волютообразными навершиями, перстни с двойными спирально закрученными щитками, очковидные привески, близкие формы металлических сосудов. Ею было обращено внимание на вывод Е.И. Крупнова относительно того, что все названные предметы подобны, но не тождественны [Крупнов 1960: 343, 344]. По её мнению, не следует принимать во внимание и большинство тех предметов, которые были широко распространены на просторах Евразии с конца II тыс. до н.э. и до VII в. до н.э. (черенковые кинжалы, псалии – лошадки, удила с витыми стержнями, бронзовые и костяные лунницы, застёжки из камня, круглые двойные и тройные бляшки). Анализ металла предметов, происходящих из Сержень – Юртовских могильника и поселения показал, что все они были изготовлены из местного сырья и не являются предметами импорта [Козенкова 1982: табл. IX, 11; Козенкова 2001: 45–50, 102–105; Козенкова 2002: 102]. Бронзовые зооморфные подвески, бронзовые бляхи кобанского типа, найденные в Европе т.н. «конноголовые скипетры», биметаллические кинжалы – это продукция кобанских мастеров. По мнению В.И. Козенковой, все они свидетельствуют о прямом или косвенном контакте между северокавказцами и восточноевропейскими культурами на рубеже III тыс. до н.э. Хотя их перечень не очень представительен для того, чтобы объяснять их появление на Кавказе значительными перемещениями населения, однако ею было высказано предположение о проникновении на Северный Кавказ каких – то неустановленных западных групп [Козенкова 1975: 54–56, 58, 65, 67, 70]. При этом активная фаза этих европейско-кавказских контактов приходится на время расцвета кобани – не позднее середины VIII в. до н.э., тогда как влияние Ближнего Востока и Передней Азии связывается с ранним этапом её функционирования. По наблюдениям В.И. Козенковой, наименьшее количество

инокультурных инфильтраций приходится именно на период Кобан – I а, б. Кроме того, данное влияние проявлялось не путем инвазии определенных этнических группировок, а исключительно при помощи появления в кобанской среде некоторых категорий материальной культуры [Козенкова 2013: 131–143]. Таким образом, следует признать, что имеющимися на сегодня в нашем распоряжении материалами мы не можем доказательно засвидетельствовать факт прямого проникновения на Северный Кавказ восточно-европейского населения, применительно к этапу формирования основ кобанской археологической культуры.

Такой же вывод следует и для материалов, которые документируют связи населения Северного Кавказа с племенами срубной КИО, которая к началу I тыс. до н.э. уже прекращает своё существование. Наличие ряда случайных находок, в основном – предметов вооружения, орудий труда, конского убора и украшений рубежа III тыс. до н.э. – самого начала I тыс. до н.э., на территории Центрального Предкавказья не подтверждено присутствием здесь самих носителей этого комплекса [Бурков 2020 – а]. В то же время мы можем предположить, что ряд норм погребальной обрядности в виде своеобразного «надкультурного» феномена, свойственные этой разнородной КИО, на этапе их формирования, когда эти традиции только вырабатывались, действительно мог восприниматься местными племенными коллективами. Однако формы подобных взаимодействий, равно как и их результаты, пока остаются практически неисследованными, прежде всего – из-за отсутствия хотя бы небольшой серии надежно зафиксированных погребальных комплексов. Единственным известным нам захоронением, где в той или иной мере присутствуют эти погребальные традиции, является погребение № 11 кургана 4 группы II могильника «Бамутский поворот», изученное в 1986 [Савенко 1987: 166–171, рис. 216, 217]. Анализ погребального обряда и вещевого сопровождения этого погребения позволяет сделать вывод о том, что в нем сочетаются как привнесенные степные, по всей вероятности – раннесрубные (начальный этап третьей четверти II тыс. до н.э. по некалиброванным значениям), а также закавказские погребальные традиции и северокавказские черты. Последние своими корнями уходят в более ранние исторические периоды начальной стадии среднего бронзового века, вероятно – последних веков III тыс. до н.э. и самого начала II тыс. до н.э.

Для территории Дагестана к материальным свидетельствам присутствия степных племён доскифского времени О.М. Давудовым отнесены конский костяк с бронзовыми псалями черногоровского типа из Мугеранского могильника и умбовидная бляха из лошадиного погребения. Подобные предметы известны в памятниках Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Восточного Закавказья. В этом же могильнике были найдены кости черепа и ног быка и около 30 лепных обмазанных и серолощенных сосудов – обряд, характерный, по мнению исследователя, для срубных и андроновских памятников. Вероятно, в данном случае речь идёт о костных остатках, т.к. сами керамические формы и их количество (как обрядовая норма) – типичны для местных памятников финального этапа эпохи бронзы. Подобная черта погребальной обрядности, в отрыве от других его элементов, характерных для культур Поволжья, не может быть применена в качестве этнокультурного маркера, т.к. присутствует и на других территориях в том числе – и курганных захоронениях т.н. «архонской группы» Северной Осетии-Алании и Чечни, относящихся к более раннему времени. Традиция размещать большое количество сосудов в одном захоронении – очень распространенная черта, свойственная горно-предгорным памятникам эпохи поздней бронзы – раннего железного века как Дагестана, так и соседней Чечни.

По мнению О.И. Давудова планировка жилых помещений, техника строительства и отдельные керамические формы Нижнесигитминского и Ачисуйского поселений напоминают памятники сабашиновского и белозёрского типов, в т.ч. –

памятники Поволжья [Давудов 1985: 110; Давудов 1974: 33]. Но в его работах отсутствует сравнительное описание технологических приёмов домостроения этих культур, а наличие двух сосудов, обладающих некоторыми элементами внешнего сходства не подкреплено анализом технологических особенностей. Вывод об изменении под влиянием срубной экспансии местных керамических форм нуждается, на наш взгляд, в более весомой аргументации, т.к. из прочих «степных» форм необходимо выделить и поздекатакомбные материалы. Керамика из кобяковских памятников Подонья сама несет ощутимые следы влияния северокавказских керамических традиций, в связи с чем привлекать её для доказательства срубно-северокавказских контактов, на наш взгляд, некорректно. Хосрехское святилище, датированное им VIII–VII вв. до н.э., считается выстроенным по канонам индоиранских культовых строений (круглый очаг, вписанный в квадратную в плане постройку) и близко по форме к культовому сооружению, выявленному под одним из курганов середины – второй половины VII в. до н.э. около Ставрополя (могильник «Красное Знамя»). По мнению исследователя, характер Хосрехского святилища отражает духовный мир индоиранских племён. Его создателями названы киммерийцы [Давудов 1983: 56; Давудов 2000: 28, 29]. Эту точку зрения поддержал и С.Л. Дударев, датировав постройку IX – первой половиной VIII в. до н.э. [Дударев 1999: 51–53]. Напротив, О.А. Брилева сблизила это строение с подобными же с территории Грузии и Абхазии, датировав его IX–VIII в. до н.э., указав на дату Ш.О. Давудова – вторая половина VII – начало VI в. до н.э., и В.И. Козенковой – первая половина IX в. до н.э. [Брилева 2012: 39, 52, 62, 70]. У Хосрехского святилища, как и у святилища Мели-геле – II есть 2 культурных и временных слоя, т.к. в нижнем слое пола с обмазкой глиной встречен фрагмент (отрезок) круглой стены, что полностью противоречит позднейшей конструкции помещения, имевшей на заключительном этапе своего функционирования уже иную конфигурацию. Не стоит забывать и ещё одно стратиграфическое наблюдение – под фундаментом сооружения были зафиксированы следы огня, что говорит о перестройке первого уровня до его состояния на момент раскопок [Давудов 1983: 46]. С учетом того, что глобальные доводы о проникновении глубоко в горы Дагестана (2700 м. над уровнем моря) ираноязычных кочевников (по мнению О.М. Давудова и С.Л. Дударева – авторов этого сооружения – С.Б.) основаны исключительно на идее круга алтаря, вписанного в квадрат святилища, данные стратиграфии явно противоречат этой концептуальной идее. При этом не будет необходимости обосновывать верхнюю дату наиболее ранних находок – наконечников копий (не позднее XII в. до н.э.) [Барцева 1985: 46] тем, что они были перенесены туда из более древнего памятника [Дударев 1999: 53]. В этом случае наблюдение О.А. Брилевой о том, что носители культов земледельческого характера в XIV–XII вв. до н.э. изменили первоначальную форму святилища с круглой на квадратную, а также выработали новую формы жертвенника в форме трона, кресла, а также и некоторых округлых форм [Брилева 2012: 52], вполне «вписывается» в обозначенный ею временной период. Он отделен от более раннего слоя, с которым как раз и можно связать предметы вооружения первого этапа существования Хосрехского святилища. На втором этапе появляются многочисленные сосуды, предметы украшения, альчики, что уже характерно для обрядовых церемониалов, по-большой степени связанных с земледельческими культурами. В этом случае дата первого слоя – XIV–XII вв. до н.э., второго – начало IX в. до н.э. – финал VII в. до н.э. Не стоит забывать и то, что большинство находок второго уровня было найдено в переотложенном состоянии, что не могло не сказаться на датировке и полноценности самого вещевого набора.

Отдельные находки конской узды, выполненные из кости (поселение Ачису, Шахсенгерский могильник), по мнению О.М. Давудова, указывают на контакты со степью. В то же время, модели кибиток, обнаруженные на поселении Ачису, автор работ связал с местной традицией отгонного скотоводства [Давудов 1985:

124, рис. 8, 8, 12, 16]. На наш взгляд, охарактеризованный выше материал фиксирует контакты населения Приморского Дагестана со степными культурами конца II – начала I тыс. до н.э. Однако их явно недостаточно для того, чтобы доказательно утверждать проникновение представительных племенных групп, способных вызвать трансформацию в традиционных идеологических воззрениях восточнокавказского населения. Тем более что в самих погребениях местных культур не зафиксированы какие – либо явственные следы их использования. Для дагестанских археологов наличие деревянного сруба в погребении автоматически «переводит» его в статус срубных древностей [Давудов 2009: 67, 68]. В то же время, для формирования традиций данного типа погребений закавказские (беденские) погребальные практики являются значительно более предпочтительными.

Следы контактов со степными племенами зафиксированы материалами Сержень-Юртовского и Бамутского поселений в Чечне. Керамику из нижних слоев Нестеровского, Алхастинского и Лугового поселений Е.И. Крупнов посчитал аналогичной срубным образцам. С тех пор этот пассаж воспринимается как доказательство таких связей. Однако если внимательно отнестись к тексту, то можно установить, что речь шла о находках из памятников кобяковского круга [Крупнов 1960: 134, 156, 158, 160]. В настоящее время установлено, что керамический набор данной культуры формировался, в том числе, и на кавказских импортах, а сами кобяковские памятники – во-многом производные от северокавказской, причем – именно кобанской, культурной основы. По мнению В.В. Потапова, материалы, полученные в последнее время, подтверждают тезис о том, что истоки кобяковской культуры лежат на Северо-Западном Кавказе [Шарафутдинова 1980: 69, 70; Потапов 2012: 292, 293, 295]. К тому же среди керамики Нестеровского и Лугового поселений не встречено ни одной целой керамической формы срубного типа, технологические особенности её изготовления не исследованы, а заключение о культурном происхождении базируются на внешнем сходстве ряда фрагментов [Крупнов 1960: 118, 119, 121, 430, табл. VIII, 1, 430, табл. XI, 5]. Случайные же находки единичны и нигде не составляют устойчивых серий, что не даёт возможности доказательно утверждать возможность влияния на погребальную обрядность восточнокобанского населения со стороны степных традиций, за исключением использования некоторых технологических приёмов в металлургии бронзы [Козенкова 1996: 130].

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, обратимся к такому понятию, как обряд погребения как целостной концепции. По мнению В.С. Ольховского, формирование элементов погребального обряда зависело от пола и возраста, от личных качеств умершего, обстоятельств смерти, условий и места. По его мнению, привнесение новых черт происходило в результате заимствования или этнического смешения. Вопрос о том, какие из факторов оказывали наибольшее воздействие на погребальную обрядность, в различных условиях имели свою специфику. На базе одних и тех же обычаев возможно формирование и сосуществование обрядов, различных по форме и содержанию [Ольховский 1986: 74, 75]. Данный комплекс признаков может быть применён при оценке погребальной обрядности для уже сформировавшейся культуры, с учётом её собственного внутреннего развития, однако на этапе выработки начальных критериев требуется учёт и иных механизмов, действующих в условиях их первичного отбора и компоновки в конкретных этно – культурных и природно – климатических исторических условиях. Так, по мнению В.Р. Эрлиха, курганный обряд является только признаком определённого социального статуса погребённого, но никак не знаком его принадлежности к другому этносу или культуре [Эрлих 1994: 116]. В.В. Отрошенко биритуализм (курганные и бескурганные захоронения одного и того же населения – С.Б.) объяснял отражением сложной социальной структуры, В.П. Ванчугов – связывал это с инокультурным составом населения.

Так же думает и Г.Н. Тоцев. С.В. Махортых обосновывает это хозяйственной перестройкой той же белозёрской культуры, с процессом выделения подвижного скотоводства и кризисом земледельческого хозяйства [Махортых 1993]. Обедневшие коллективы, которые уже не могли вести комплексное хозяйство, были вынуждены перейти к кочевому скотоводству. Так же думают В.П. Шилов, К.А. Акишев и М.К. Кадырбаев [Махортых 2011]. А.М. Новочихин появление в среде протомеотского населения курганного обряда погребения объяснил заимствованием престижного элемента погребальной обрядности со стороны местной аристократии [Новочихин 2006: 79].

Исходя из выше изложенного, мы можем констатировать следующее. Вполне вероятно, что степень влияния культурных традиций предшествующего времени на формирование курганного обряда в погребальной практике кобанских племён конца II тыс. до н.э. для различных территорий была неодинаковой. На начальном миксированном этапе, скорее всего, они могли восприниматься как обыденные, в дальнейшем – как чуждые. Для уже сформированного к началу I тыс. до н.э. комплекса погребальных обрядовых практик, появление иных традиций, ранее воспринимаемых как новшества, должно было сопровождаться серьёзными социокультурными преобразованиями, связанными с переходом к другой модели хозяйствования, и как следствие – с изменением статусности некоторых занятий, их роли в жизни социально значимых страт в составе племенных групп, что могло быть обосновано и влиянием внешнего фактора (этническая миксация, военное вторжение). В последнем случае изменения становятся более кардинальными, и зачастую сопровождаются сменой принципов формирования коллективов, когда одна группа монополизирует некоторые социальные функции. Переход в её состав из других возрастных или производственных страт ограничивается рамками этнической принадлежности. На наш взгляд, факторы, которые влияли на присутствие в погребальной практике кобанцев обряда захоронения в курганах на раннем этапе могли быть различными, основанными на производственном компоненте (подвижное скотоводство), с учётом социально – престижных (военнизированный контингент) и погребальных традиций предшествующего времени. Их применение происходило в конкретно – исторических условиях контактной зоны предгорных равнин как особой эколого-географической зоны. Кроме того, следует учитывать, что для т.н. «предкобанской стадии» наличие курганных захоронений, вероятнее всего, было связано с погребальными практиками этнокультурной доминанты. В последующем, с увеличением степени подвижности ряда производственных коллективов, использование курганов в погребальных обрядах, вероятно, сместилось в сторону социально-престижного и производственного компонентов. Эти процессы были документированы материалами уже следующей исторической эпохи, связанной с возникновением условий для формирования нового хозяйственного уклада – подвижного скотоводства и появлением на исторической арене военнизированных группировок подвижных скотоводов.

Список источников

Атабиев 2008 – *Атабиев Б.Х.* Археологические открытия в Кабардино-Балкарии // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 13.

Бакушев 2021 – *Бакушев М.А.* Новые исследования Змейского поселения кобанской культуры // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Сборник научных трудов. Вып. 2. Владикавказ: ИИА, 2021. С. 9–41.

Барцева 1985 – *Барцева Т.Б.* Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII–VII вв. до н.э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 184. М.: Наука, 1985. С. 42–49.

Брилева 2012 – *Брилева О.А.* Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: «Тauc», 2012. 424 с.

Бурков 1990 – *Бурков С.Б.* Отчет о раскопках курганов на территории совхоза «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИАССР в 1989 г. Грозный, 1990 // Архив ИА РАН. Ф.-1. Р-1 № 14105.

Бурков 2020 – *Бурков С.Б.* Обряд кремации в кобанской археологической культуре // Археологические вести. Вып. № 27. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 60–71.

Бурков 2020 – *Бурков С.Б.* – а. К вопросу о т.н. «срубном» влиянии на Центральном и Северо-Восточном Кавказе по данным погребальных памятников // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Доклады и сообщения 23 Международного семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Армавир: Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. С. 110–117.

Виноградов 1972 – *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.

Виноградов Исламов 1965 – *Виноградов В.Б., Исламов А.А.* Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ. Т. VI. Вып. 1. (Ред.: Н.П. Гриценко). Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1965. С. 157–168.

Давудов 1974 – *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: Дагестанский филиал ИА АН СССР, 1974. 191 с.

Давудов 1983 – *Давудов О.М.* Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала: Институт истории языка и литературы, 1983. С. 43–56.

Давудов 1985 – *Давудов О.М.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала: Дагестанский филиал ИА АН СССР, 1985. С. 101–124.

Давудов 2000 – *Давудов О.М.* О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы международной конференции. Махачкала: Институт истории. Археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2000. С. 26–63.

Давудов 2009 – *Давудов О.М.* Прикаспийская торговая дорога в свете исторических источников // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2009. № 1. С. 64–80.

Дударев 1999 – *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1999. 400 с.

Дударев Савенко 2019 – *Дударев С.Л., Савенко С.Н.* К историографии феномена «кобанская культура» // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 67–84.

Козенкова 1975 – *Козенкова В.И.* Связи Северного Кавказа с карпато-дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев: «Наукова думка», 1975. С. 52–73.

Козенкова 1977 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2-5. М.: Наука, 1977. 88 с.

Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2-5. Т. III. М.: Наука, 1989. 196 с.

Козенкова 1996 – *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: «Наука», 1996. 164 с.

Козенкова 2001 – *Козенкова В.И.* Поселок-убежище кубанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ) М.: Наука, 2001. 198 с.

Козенкова 2002 – *Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III). М.: «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.

Козенкова 2013 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир: (Взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: «Тauc», 2013. 252 с.

Козенкова Мошинский 1995 – *Козенкова В.И., Мошинский А.П.* Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) //

Историко-археологический альманах. Вып. 1. М.: Армавир: Армавирский краеведческий музей, 1995. С. 48–52.

Корневский, Мимоход 2011 – *Корневский С.Н., Мимоход Р.А.* Курганы позднего периода бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 120 с.

Крупнов 1950 – *Крупнов Е.И.* Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XXXII. М.: 1950. С. 85–100.

Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.

Мамонтов 1980 – *Мамонтов В.И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1980. № 1. С. 175–194.

Махортых 1993 – *Махортых С.В.* Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Оточуюче середовище і стародавнє населення України. Київ, 1993. С. 44–46.

Махортых 2011 – *Махортых С.В.* О биритуализме в погребальном обряде белозёрской культуры // Переход от эпохи поздней бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23–24 июня 2011 года. СПб.: Институт истории материальной культуры. Государственный Эрмитаж, 2011. С. 31–34.

Мунчаев 1968 – *Мунчаев Р.М.* Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный: Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1968. С. 131–151.

Новоцихин 2006 – *Новоцихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: Редакционно-издательский отдел СГТУТ и КД, 2006. 220 с.

Ольховский 1986 – *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1. С. 65–76.

Потапов 2012 – *Потапов В.В.* Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 287–308.

Ростунова, Ростунов 2007 – *Ростунова Т.Я., Ростунов В.Л.* Природно-климатический фактор в заселении Северо-Осетинской равнины в эпоху энеолита – средней бронзы // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2007. С. 5–20.

Савенко 1987 – *Савенко С.Н.* Отчет о раскопках курганов могильника «Бамутский поворот» в 1986 г. Грозный, 1987 // Архив ИА АН РАН, р-1, № №11727, 11727 «а».

Сафронов 1970 – *Сафронов В.А.* Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы. Диссертация на соискание канд. историч. наук. М.: 1970 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2078.

Сорокина 1989 – *Сорокина И.А.* О прикубанском варианте срубной культуно-исторической общности // Древности Ставрополя. Сборник научных статей. Отв. ред.: Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1989. С. 279–282.

Чеченов 1974 – *Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 14–51.

Шарафутдинова 1980 – *Шарафутдинова Э.С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // Свод археологических источников. Вып. В1–11. Л.: «Наука», 1980. 128 с.

Эрлих 1994 – *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М.: Государственный музей Востока, 1994. 148 с.

References

ATABIEV B.H. *Arheologicheskie otkrytiya v Kabardino-Balkarii* [Archaeological discoveries in Kabardino-Balkaria]. IN: *XXV Krupnovskie chteniya po arheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii* [XXV Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of the reports of the international conference]. Vladikavkaz: SOIGSI, 2008. P. 13. (In Russian)

BAKUSHEV M.A. *Novye issledovaniya Zmejskogo poseleniya kobanskoj kul'tury* [New studies of the Zmeyskaya settlement of the Koban culture]. IN: *Arheologicheskoe nasledie: materialy i interpretacii. Sbornik nauchnyh trudov* [Archaeological heritage: materials and interpretations. Collection of scientific papers]. Issue 2. Vladikavkaz: IIA, 2021. P. 9–41. (In Russian)

BARTSEVA T.B. *Himicheskij sostav nakonechnikov kopij Severnogo Kavkaza VIII—VII vv. do n.e.* [Chemical composition of spearheads of the North Caucasus of the VIII–VII centuries BC]. IN: *Kratkie soobshcheniya instituta arheologi* [Brief reports of the Institute of Archeology]. Issue 184. Moscow: Nauka, 1985. P. 42–49. (In Russian)

BRILEVA O.A. *Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.)* [Ancient bronze anthropomorphic plastic of the Caucasus (XV century BC – X century AD)]. Moscow: “Taus”, 2012. 424 p. (In Russian)

BURKOV S.B. *Otchet o raskopkah kurganov na territorii sovhoza «Bamutskij» Achkhoy-Martanovskogo rajona CHIASSR v 1989 g. Groznyj, 1990* [Report on the excavation of mounds on the territory of the state farm “Bamutsky” Achkhoy-Martanovsky district of CHIASSR in 1989, Grozny, 1990]. IN: *Arhiv IA RAN. F.-1. R-1 № 14105*. [Archive of the Institute of Archeology of Academy of Sciences of Russia. F-1. R-1 № 14105]. (In Russian)

BURKOV S.B. *Obryad kremacii v kobanskoj arheologicheskoj kul'ture* [The rite of cremation in the Koban archaeological culture]. IN: *Arheologicheskie vesti* [Archeological News] Issue № 27. Sankt Petersburg.: IIMK RAN, 2020. P. 60–71. (In Russian)

BURKOV S.B – a. *K voprosu o t.n. «srubnom» vliyanii na Central'nom i Severo-Vostochnom Kavkaze po dannym pogrebal'nyh pamyatnikov* [On the question of the so-called “log” influence in the Central and North-Eastern Caucasus according to the funerary monuments]. IN: *Severnyj Kavkaz v istoricheskom i arheologicheskom izmereniyah. Doklady i soobshcheniya 23 Mezhdunarodnogo seminaru Kavkazovedcheskoj shkoly V.B. Vinogradova* [North Caucasus in the historical and archeological dimension. Report of 23 international seminar of the Caucasus school of V.B. Vinogradov]. Armavir: Stavropol': Dizajn-studiya B, 2020. P. 110–117. (In Russian)

VINOGRADOV V.B. *Central'nyj i Severo-Vostochnyj Kavkaz v skifskoe vremya (VII–IV vv. do n.e.). (Voprosy politicheskoy istorii, evolyucii kul'tur i etnogeneza)* [Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian period (VII–IV centuries BC). (Questions of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. 389 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B., ISLAMOV A.A. *Novye arheologicheskie nahodki v Checheno-Ingushetii* [New archaeological finds in Chechen-Ingushetia]. IN: *Izvestiya CHINII, T. VI. Vyp 1. (Red.: N.P. Gritsenko)*. [News of the Chechen Ingush Research Institute. V. VI. Issue 1]. Grozny: CHINIIYAL, 1965. P. 157–168. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Kul'tury Dagestana epohi rannego zheleza* [Cultures of Dagestan of the Early Iron Age]. Makhachkala: Dagestanskij filial IA AN SSSR, 1974. 191 p. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Svyatilishche u vysokogornogo seleniya Hosrekh* [Sanctuary at the highland village of Hosrekh]. IN: *Drevnie i srednevekovye poseleniya Dagestana* [Ancient and medieval settlements of Dagestan]. Makhachkala: Dagestanskij filial IA AN SSSR, 1983. P. 43–56. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Poselenie Achisu* [Achisu Settlement]. IN: *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus]. Makhachkala: Dagestan branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, 1985. P. 101–124. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *O kontaktah drevnego naseleniya Dagestana s iranoyazychnymi kochevnikami* [On contacts of the ancient population of Dagestan with Iranian-speaking nomads]. IN: *Kavkaz i stepnoj mir v drevnosti i srednie veka. Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Caucasus and the steppe world in antiquity and the Middle Ages. Materials of the international conference]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the DNC RAS, 2000. P. 26–63. (In Russian)

DAVUDOV O.M. *Prikaspijskaya torgovaya doroga v svete istoricheskikh istochnikov* [The Caspian trade road in the light of historical sources]. IN: *Vestnik instituta istorii, arheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2009. No. 1. P. 64–80. (In Russian)

DUDAREV S.L. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoj Evropy v predskifskuyu epohu (IX – pervaya polovina VII v. do n.e.)* [The relationships of the tribes of the North Caucasus with the nomads of Southeastern Europe in the pre-Scythian era (IX – first half of the VII century BC)]. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 1999. 400 p. (In Russian)

DUDAREV S.L., SAVENKO S.N. *K istoriografii fenomena «kobanskaya kul'tura»* [To the historiography of the phenomenon “Koban culture”]. IN: *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]. 2019. No. 4. P. 67–84. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Svyazi Severnogo Kvkaza s karpato-dunajskim mirom (nekotorye arheologicheskie paralleli)* [Connections of the Northern Kvkaz with the Carpathian-Danube world (some archaeological parallels)]. IN: *Skifskij mir* [Scythian world]. Kiev: “Naukova Dumka”, 1975. P. 52–73. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Vostochnyj variant. Svod arheologicheskikh istochnikov* [Koban culture. The Eastern version. A set of archaeological sources]. Issue B2-5. Moscow: Nauka, 1977. 88 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Zapadnyj variant. Svod arheologicheskikh istochnikov* [Koban culture. The Western version. A set of archaeological sources]. Issue B2-5. Volume III. Moscow: Nauka, 1989. 196 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kul'turno-istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v epohu pozdnej bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoj kul'tury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (Key problems of the origin and development of Koban culture)]. Moscow: Nauka, 1996. 164 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Poselok-ubezhishche kubanskoj kul'tury u aula Serzhen'-Yurt v Chechne kak istoricheskij istochnik (Severnyj Kavkaz)* [The refuge-village of the Kuban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)]. Moscow: Nauka, 2001. 198 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *U istokov gorskogo mentaliteta: mogil'nik epohi pozdnej bronzy – rannego zheleza u aula Serzhen'-Yurt, Chechnya (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. III)* [At the origins of the mountain mentality: the burial ground of the Late Bronze – Early Iron age near the village of Serzhen-Yurt, Chechnya (Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue III)]. Moscow: «Pamyatniki istoricheskoy mysli», 2002. 232 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchij mir: (Vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnyh infil'tracij v mestnoj srede)* [Koban culture and the surrounding world: (Interrelations, problems of fate and traces of multicultural infiltrations in the local environment)]. Moscow: “Taus”, 2013. 252 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I., MOSHINSKY A.P. *Kobanskaya kul'tura Kavkaza: geneticheskie korni i usloviya formirovaniya (tret'ya chetvert' II tys. do n.e.)* [Koban culture of the Caucasus: genetic roots and conditions of formation (the third quarter of the II millennium BC)]. IN: *Istoriko-arheologicheskij al'manah* [Historical and Archaeological Almanac]. Issue 1. Moscow: Armavir: Armavirskij kraevedcheskij muzej, 1995. P. 48–52. (In Russian)

KORENEVSKY S.N., MIMOKHOD R.A. *Kurgany pozdnego perioda bronzovogo veka u stanicy Arhonskaya v Severnoj Osetii* [Burial mounds of the Late Bronze Age near the village of Arkhonskaya in North Ossetia]. Moscow: IA RAN, 2011. 120 p. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Arheologicheskie raboty v Kabarde i Groznoj oblasti* [Archaeological works in Kabarda and the Grozny region]. IN: *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury* [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture]. Issue XXXII. Moscow, 1950. P. 85–100. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient History of the North Caucasus]. Moscow: Nauka, 1960. 520 p. (In Russian)

MAMONTOV V.I. *O pogrebeniyah pozdnego etapa srubnoj kul'tury v Nizhnem Povolzh'e* [About the burials of the late stage of the log culture in the Lower Volga region]. IN: *Soviet Archeology*, 1980. No. 1. P. 175–194. (In Russian)

MAKHORTYKH S.V. *Rannie kochevniki Severnogo Prichernomor'ya i okruzhayushchaya sreda* [Early nomads of the Northern Black Sea region and the environment]. IN: *Otochuiuche seredovyshe i starodavnne naseleennia Ukrainy* [The Environment and the ancient population of Ukraine]. Kiiiv: 1993. P. 44–46. (In Russian)

MAKHORTYKH S.V. *O biritualizme v pogrebal'nom obryade belozyorskoy kul'tury* [About biritualism in the funeral rite of the Belozersk culture]. IN: *Perekhod ot epohi pozdnej bronzy k epohe zheleza v Severnoj Evrazii. Materialy Kruglogo stola 23–24 iyunya 2011 goda* [The transition from the Late Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia. Materials of the Round table on June 23–24, 2011]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture. State Hermitage Museum, 2011. P. 31–34. (In Russian)

MUNCHAEV R.M. *Raskopki Bamutskih kurganov v 1965 godu* [Excavations of the Bamut mounds in 1965]. IN: *Arheologo-etnograficheskij sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Volume II. Grozny: Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature, 1968. P. 131–151. (In Russian)

NOVOCHIKHIN A.M. *Naselenie Zapadnogo Zakuban'ya v pervoj polovine I tysyacheletiya do n.e. (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov)* [The population of Western Zakuban in the first half of the I millennium BC (based on the materials of funerary monuments)]. Anapa: Redakcionno-izdatel'skij otdel SGTUT i KD, 2006. 220 p. (In Russian)

OLKHOVSKY V.S. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannyh ponyatij* [Funeral and memorial rites in the system of interrelated concepts]. IN: *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1986. No. 1. P. 65–76. (In Russian)

POTAPOV V.V. *Kobyakovskie pamyatniki v nizov'yah Dona: problemy poyavleniya i ischeznoventiya* [Kobyakovsky monuments in the lower reaches of the Don: problems of appearance and disappearance]. IN: *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik* [Russian Archeological Yearbook]. 2012. No. 2. P. 287–308. (In Russian)

ROSTUNOVA Rostunova T.Ya., ROSTUNOV V.L. *Prirodno-klimaticheskij faktor v zaseleonii Severo-Osetinskoj ravniny v epohu eneolita – srednej bronzy* [Natural and climatic factor in the settlement of the North Ossetian plain in the Eneolithic – Middle Bronze Age]. IN: *Materialy po istorii i arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials on the history and archeology of the North Caucasus] Issue 8. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2007. P. 5–20. (In Russian)

SAVENKO S.N. *Otchet o raskopkah kurganov mogil'nika «Bamutskij povorot» v 1986 g., Groznyj, 1987* [Report on the excavation of burial mounds of the burial ground “Bamutsky turn” in 1986, Grozny, 1987]. Archive of the Institute of Archeology of Academy of Sciences of Russia. R-1, No. 11727, 11727 “a”. (In Russian)

SAFRONOV V.A. *Hronologiya pamyatnikov II tys. do n.e. yuga Vostochnoj Evropy. Dissertaciya na soiskanie kand. istorich. nauk* [Chronology of monuments of the II millennium BC of the South of Eastern Europe. Dissertation for the Candidate of Historical Sciences]. IN: *Nauchno-otraslevoj arhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 2078*. [Scientific and branch archive of Institute of Archeology of Academy of Sciences of Russia. F-1. R-1. No. 2078]. Moscow, 1970. (In Russian)

SOROKINA I.A. *O prikubanskom variante srubnoj kul'tuno-istoricheskoi obshchnosti* [About the Prikubansky variant of the log cultural and historical community]. IN: *Drevnosti Stavropol'ya. Sbornik nauchnyh statej. Otv. red.: R.M. Munchaev* [Antiquities of Stavropol. Collection of scientific articles]. Moscow: Nauka, 1989. P. 279–282. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *K voprosu o lokal'nyh variantah kobanskoj kul'tury* [On the question of local variants of Koban culture]. IN: *Arheologo-etnograficheskij sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Vol. 1. Nalchik: “Elbrus”, 1974. P. 14–51. (In Russian)

SHARAFUTDINOVA E.S. *Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobyakovskaya kul'tura)* [Monuments of the pre-Scythian time on the Lower Don (Kobyakovskaya culture)]. IN: *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Set of archaeological sources]. Vol. VI–11. Leningrad: Nauka, 1980. 128 p. (In Russian)

ERLICH V.R. *U istokov ranneskifskogo kompleksa* [At the origins of the Early Scythian complex]. Moscow: Gosudarstvennyj muzej Vostoka, 1994. 148 p. (In Russian)

Информация об авторе

С.Б. Бурков – старший научный сотрудник отдела археологии Государственного бюджетного учреждения (ГБУ) «Институт истории и археологии РСО-Алания».

Information about the author

S.B. Burkov – Senior Researcher of the Department of Archeology of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania».

Статья поступила в редакцию 29.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 29.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.